

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Б. Н. Путилов. Героический эпос черногорцев. Л.: Наука, 1982. 239 с.

Героический эпос черногорцев (как и их фольклор в целом) мало известен советскому читателю. Тем большую ценность представляет новая монография доктора филологических наук Б. Н. Путилова, чьи книги «Славянская историческая баллада», «Русский и южнославянский героический эпос» и др. получили заслуженное признание.

Характеризуя в одной из своих работ современное состояние фольклористики в СФРЮ, Б. Н. Путилов подчеркнул, что за «югославскими учеными остается долг — создание крупных работ, посвященных фольклорным жанрам в целом, их генезису и истории»¹. Этими же проблемами в настоящее время занимаются и советские ученые. Исследование Б. Н. Путилова — результат не только многолетней кабинетной работы, но и непосредственных наблюдений над черногорским эпосом в его живом бытовании. Начиная с 1964 г., Б. Н. Путилов несколько раз был в Югославии, вел полевые исследования, участвовал в работе различных фольклористических форумов, а также встречался и беседовал со многими этнографами и фольклористами².

В югославской фольклористике существуют работы, посвященные отдельным проблемам и темам черногорской эпики. Книга же Б. Н. Путилова — первый опыт монографического комплексного исследования черногорского героического эпоса.

В монографии впервые собрано и проанализировано огромное количество текстов и теоретических разысканий — автор свободно владеет не только югославским, но и материалом других славянских народов, при этом следуя критическому, строго дифференцированному подходу к источникам.

Для Черногории конца XIX — начала XX в. было характерно сочинительство в сфере эпоса. Наряду с новыми песнями, возникавшими вполне естественно, выращенными на почве традиции, в позднее время появлялось множество текстов, искусственно сочиненных, не обладавших внутренними качествами эпического произведения. Такие произведения не выходили за пределы репертуара их авторов — живая эпическая традиция не принимала их, но они иногда присутствовали в печатных собраниях.

Б. Н. Путилов четко различает образцы «вторичного фольклора» в публикациях конца XIX — начала XX в.: «1) тексты, созданные гусярами по их собственному почину на основе известных им книжных публикаций; 2) тексты, явившиеся результатом редакторской работы собирателей и издателей, создававших заново новые версии старых песен; 3) обработки, принадлежащие гусярам, но инспирированные собирателями» (с. 37). Поэтому исследователь воздерживается от привлечения к историко-фольклорному анализу не только ряда текстов, но и отдельных сборников, появившихся на рубеже столетий.

Б. Н. Путилову удалось в ряде случаев более тщательно, по сравнению с предшественниками, прочесть имеющиеся материалы³. Так, предыдущие исследователи не нашли песен косовского цикла среди черногорских песен в собрании Вука Караджича и сборнике С. Милутиновича и потому считали, что у черногорцев отсутствует эпическая косовская традиция. Между тем Б. Н. Путилов в черногорском эпосе выявил не только ее отголоски, но даже целые разработки косовской тематики, на сюжетику и содержание которых оказали влияние песни так называемого Второго Косовского цикла. Как убедительно доказывается в монографии, сборник С. Милутиновича «свидетельствует о существовании в 20-х — начале 30-х годов XIX века живой эпической традиции о косовских героях, но традиции своеобразной по содержанию и характеру выражения» (с. 75).

В центре монографии — сюжетно-тематические циклы черногорской эпики, проблемы изображения исторической действительности, эпических героев, пространства и времени в эпосе; в процессе рассмотрения указанных проблем затрагивается ряд других существенных аспектов содержания и художественной системы эпоса (главы 3—5).

В книге раскрываются специфические черты эпоса черногорцев, отмечается его многообразие в сюжетно-тематическом отношении, «многолюдство» черногорской эпики в отличие от эпоса классического, где сюжетов больше, чем героев (с. 181). Автор выявляет наличие в героической эпической традиции черногорцев большого количества легендарно-мифологических и легендарно-исторических песен, в которых народная концепция истории проявляется с большой определенностью.

Рассматривая эпос черногорцев, Б. Н. Путилов выявляет в нем отражение особенностей социальной организации общества в XVIII—XIX вв., в частности племенных отношений и постепенного преодоления племенной замкнутости, развития общенациональных представлений и стремлений. Книга показывает роль эпоса в становлении черногорского национального сознания в условиях борьбы за независимость.

Черногорский героический эпос — эпос типологически поздний, ибо в силу ряда социально-экономических и культурно-бытовых условий в южнославянском регионе «эпическая эпоха» продолжалась вплоть до XIX в. и не была полностью стерта в XX в.,

¹ Путилов Б. Н. О современной фольклористике Югославии. — Сов. этнография, 1975, № 4, с. 68.

² Путилов Б. Н. Встречи с эпосом в Черногории. — Сов. этнография, 1973, № 3. См. также Гусев В. Е. У гусяров Боснии и Герцеговины. — Там же, 1973, № 5.

³ Более того, им даже обнаружены варианты песни о героическом сватовстве, потерявшиеся в югославских журнальных публикациях и никогда не привлекавшие внимания исследователей и составителей антологий (с. 111).

что было обусловлено существованием там среды, обладающей эпической памятью и прочным эпическим сознанием. Несмотря на социальную и идеологическую дифференциацию, живое эпическое творчество не иссякало, а эпическое наследие не ушло на периферию культурного быта; оно составило характерную особенность новейшей черносгорской национальной культуры.

Отсюда проистекает общетеоретическое значение книги Б. Н. Путилова: в то время как проблемам архаического и классического эпоса в нашей науке уделялось в последние десятилетия большое внимание и были достигнуты весьма значительные результаты, поздний эпос оставался как бы в тени. Между тем его изучение много дает для понимания общих закономерностей исторической типологии и судеб эпического творчества. На почве поздней черносгорской эпике происходит редкий по масштабам, последовательности и значимости переход от эпического историзма классического типа к историзму конкретному.

Затрагивая центральный вопрос эпосоведения — проблему историзма, Б. Н. Путилов трактует ее не в узком понимании так называемой исторической школы, а в широком теоретическом плане. Категорию историзма автор рассматривает применительно к сюжетике, героям, художественной структуре, стилю, пространственно-временным особенностям эпоса.

Исследователи, придерживающиеся концепции «исторической школы», считали, что герои эпоса — лишь подвергшиеся поэтизации исторические лица. Отношение «герой—прототип» мыслилось как изначальное для эпического творчества. Б. Н. Путилов доказывает, что отношения «образ — прототип» не просты и не прямолинейны: «Историческое лицо, попав в эпос, переживает необратимый процесс и вернуться в реальную историю больше не может» (с. 201). Автор подчеркивает, что различия между ранними и поздними формами эпоса с точки зрения историзма носят качественный характер. Герои классического эпоса — это деятели эпической истории, только некоторыми своими поступками соприкасающиеся с историей реальной. Они суть эпические обобщения, строящиеся по традиционным моделям, в небольшой степени совпадающим с исторической реальностью. Прототипы же в собственном смысле слова появляются лишь на сравнительно поздней стадии развития эпоса (с. 188—189).

Говоря об общих закономерностях процесса эпического творчества, Б. Н. Путилов показывает, как они проявляются в героическом эпосе черносгорцев. Он считает, что черносгорская эпическая поэзия представляет особый интерес для современного эпосоведения, ибо подтверждает научную правильность выявленных в последнее время законов эпического творчества и процессов исторического развития эпоса.

В отличие от предшественников, сосредоточивавших внимание на собственно черносгорских песнях, автор книги много места уделяет классическому сербохорватскому эпосу, который был известен черносгорцам и составил ту эпическую традицию, на основе которой мог сложиться и развиваться их собственный эпос. Одна из задач исследования — наиболее полное выявление южнославянского эпического наследия у черносгорцев и показ преемственных связей его с новым эпосом (этому посвящена вторая глава книги).

Убедительно полемизирует исследователь с учеными Югославии, например по поводу недостаточно оправданного разделения черносгорской эпике на «хроникальную» и «мотивскую», а также по вопросу о стадийно-историческом соответствии в эпосе реального, «хроникального» и собственно эпического. Б. Н. Путилов высказывает также сомнение в справедливости утверждения, что источником героического эпоса черносгорцев было историческое предание (с. 221—222). Опровергаются автором и утверждения приверженцев теории, согласно которой эпический сюжет, возникая на эмпирической основе первоначально эмпиричен по своему характеру, а затем переживает процесс эпической трансформации и перерождения. Как показано в книге, «эпос может эволюционировать, но при этом он не меняет своей природы и качеств, генетически в нем заложенных. Условность и вымысел не привносятся в эпическую сюжеттику задним числом, но изначально в ней присутствуют и до определенной степени формируют ее» (с. 137—138).

В работах югославских коллег о южнославянском эпосе пока недостаточно учитывались общетеоретические достижения современного эпосоведения и поэтому история эпоса черносгорцев рассматривалась как бы в отрыве от общих эпических процессов. Б. Н. Путилов впервые связывает задачи изучения черносгорских эпических песен с общими проблемами эпосоведения. В рецензируемой монографии изучение черносгорского эпоса ведется на базе современной историко-типологической методологии, поэтому труд Б. Н. Путилова является звеном в цепи исследований по теории и истории народного героического эпоса, занимающих столь заметное место в современной фольклористике, и представляет собою новый вклад в изучение эпической поэзии как единого целого в международном масштабе.

Выход в свет рецензируемого труда стал значительным событием в мировой славистике.

М. Я. Мельц